

ПЕВЕЦ КРАСОТЫ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

31 мая исполняется 90 лет со дня
рождения известного советского писателя
Константина ПАУСТОВСКОГО
(1892—1968)

Константин Георгиевич Паустовский последние годы жил в Тарусе. Многие из тех, кому доводилось встречаться с ним там, в один голос замечали: как же они похожи — Паустовский и этот тихий, незатейливый городок на пересечении трех областей — Московской, Калужской и Тульской, — где вертящаяся, вся в шумливых перекатах и зарослях ивняка речка-невеличка Таруска впадает в красавицу Оку.

Паустовский ходил больше на умельца — мастера, чем на представителя изящной словесности. Ростом невысок, суховат. Говорил негромко и сдержанно, но чувств не скрывал.

Она вся еще полна живой памяти о своем хозяине — эта крестьянская рубленая изба с тесовым потолком и большими, по-городскому светлыми окнами, за которыми сразу начинается лес. На столе лежат рукописи с характерной густой, «многоэтажной» авторской правкой. Рядом книги и стопка чистых бумаг. На стенах фотографии, географическая и карты, барометр. Все как при жизни. Такое ощущение, что хозяин вышел на минуту и вот-вот вернется. Скромность, даже аскетичность обстановки бросается в глаза, и невольно уже складывается первое представление о личности писателя.

Сколько он видел всего и знал, сколько переживал и предугадал. Сколько скитался по свету в поисках всеожиданно новых, как он говорил, людей и мест. Откройте его «Повесть о жизни» — мемуары, которые писал он одновременно с книгами художественными: диву даешься, сколько он успел пережить и увидеть. Но всякий раз, разговариваясь, Паустовский сокрушался: ах, мало видел. И начинал перечислять, где он не был. А потом улыбнется, скажет: и все-таки не беда. Все ведь зависит от пытливого и острого глаза.

А этим владел он в полной мере. Редкая зоркость взгляда сочеталась у него с юношеской восторженностью и поэтическим состоянием души, какой-то зачарованностью красотой, которую он видел всюду.

У каждого писателя особая манера жить и творить. «Что касается меня, — признавался Паустовский, — то для плодотворной работы мне нужны две вещи: поездка по стране и сосредоточенность».

Так было всегда: почти каждая поездка оборачивалась книгой.

Повесть «Кара-Бугаз» — первое большое произведение, открывшее Паустовского писателя. Как родилась повесть? В своей книге «Золотая роза» Паустовский вспоминает о встрече с геологом Шацким, который станет одним из героев будущей повести. Именно от него писатель и узнал о Кара-Бугазе — «ужасном и загадочном» заливе Каспийского моря, о неисчерпаемых запасах в его воде ценнейшего минерала мирабилита, о том, что можно уничтожить пустыни. «Если бы люди, — говорил Шацкий, — потратили на истребление пустынь только половину средств и сил, какие они тратят на взаимное убийство, то пустыня давно бы исчезла».

Встреча с геологом стала искрой, от которой возгорелся замысел «Кара-Бугаза». Паустовский исследует побережье Каспия и приходит к решению: книга должна органично сочетать художественность с документальностью и глубинным анализом очерка. Писался «Кара-Бугаз» в Березниках, на Северном Урале, куда Паустовский был послан корреспондентом Российского Телеграфного Агентства (РОСТА). Это была последняя его «до-литературная» профессия (в свое время ему довелось быть и учителем, и вожатым трамвая, и военным санитаром, и лейтеяком, и рыбаком). После выхода в свет повести «Кара-Бугаз» писательство стало его «единственной всепоглощающей, порой мучительной, но всегда прекрасной и любимой работой».

Ветры странствий рождали новые замыслы. После поездки в Потти он пишет эзотическую повесть «Колхида». После изучения берегов Черноморья — овеянную романтикой книгу «Черное море», в которой нрав морской стихии стал фоном, высветившим судьбы разных людей, связанных с морем. Рассказал писатель здесь и о легендарной трагической и прекрасной судьбе лейтенанта Петра Шмидта, поднявшего в 1905 году революционных матросов на борьбу с самодержавием. После жизни в Карелии появляются небольшие повести — «Судьба Шарля Лонсевилля» (о жизни французского инженера) и «Озерный фронт» (о событиях гражданской войны). Свою давнюю любовь к Ленинграду писатель выразил в красивой и суровой «Северной повести», прослеживающей биографии людей из поколения дворянских революционеров-декабристов...

В начале тридцатых годов Паустовский открывает для себя «неведомую и заподненную землю» — Мещеру. Она становится его второй родиной. Пройдут многие годы, и он скажет: «Ничто так меня не обогатило, как этот скромный и тихий край».

Неброская красота среднерусской природы обострила слух писателя. Он понял, что образность и волшебство русской речи неуловимо связаны с дыханием и ритмом русской природы, с журчанием родников, криком журавлей, с нежностью и печалью русских песен. Все это звучит в его рассказах и повестях так называемого «мещерского периода».

В начале 60-х годов (в ту пору Паустовский уже живет в Тарусе, на Оке) он пишет рассказы «Итальянские записки», «Третье свидание», «Наедине с осенью», «Ильинский омут», отмеченные необычайной внутренней свободой. Правда, рассказами их трудно назвать. Это скорее эссе-размышления, открытый разговор с друзьями. «И это, — добавлял сам Паустовский, — признание в любви нашей природе и всей России».

В таком же раскованном духе и стиле создана, пожалуй, самая популярная книга Паустовского «Золотая роза». Работал он над ней долгие десять лет. Здесь он поэтично, непосредственно и мудро поведал о сущности писательского труда. За каждой мыслью — жизненный факт, а то и целая лирическая новелла. Интересны раздумья о литературном стиле, языке, о призвании художника, о силе воображения и вдохновения. Лаколично и достоверно рисует Паустовский портреты великих писателей — Андерсена, Гюго, Чехова, Мопассана, Бунина, Горького, Блока, а также своих современников и друзей.

В маленькой проникновенной повести «Исаак Левитан» Паустовский пишет: «Левитан был художником печального пейзажа. Пейзаж печален всегда, когда печален человек...»

Константину Георгиевичу Паустовскому выпала счастливая доля воспеть иное время и «светлый пейзаж» своей Родины, ее нового гражданина, которого он искренне любил: «Без людей нашего времени, полного побед и человеческой теплоты, — писал он, — нет прекрасного ни в цвете морей, ни в ветрах, ни в облаках, ни в полете птиц — во всем, что называем с т а ж из жизнью».

В. ГУСАРОВ.
(АНН).